

средственно к протопопу Аввакуму, свидетельствуют о весьма своеобразном интересе Толстого к знаменитому деятелю раскола.

В это время Аввакум существует для Толстого главным образом как яркая самобытная личность. Именно с этой стороны он привлекает больше всего внимание художника. В Аввакуме Толстой видит будущего героя своего произведения; в связи с ним его интересует все особенное, неповторимое, — все то, что может помочь писателю создать убедительный и живой характер, образ. В конечном счете, протопоп Аввакум интересует Толстого как один из самых замечательных русских людей XVII в. Аввакум — писатель, стилист, непревзойденный мастер родной русской речи пока что для Толстого остается на заднем плане, хотя он и отмечает уже существенную черту — «на волоске шутка мрачная». Сама неточность цитирования произведений Аввакума может служить косвенным свидетельством особой, иной направленности внимания: факты из жизни, характерные детали, а не слова, не форма их выражения важны Толстому. Интерес к Аввакуму — писателю, стилисту появится у Толстого несколько позже, хотя и в очевидной связи с его работой над романом из эпохи Петра.

Работа над историческим романом о Петре вообще заставила Толстого ближе познакомиться с древнерусской литературой. Познакомиться — и оценить. В дневнике жены писателя, С. А. Толстой, под 27 марта 1871 г. мы находим строки, относящиеся к Толстому: «Мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи, жития святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия».¹¹ Следствием близкого знакомства с древнерусской литературой явились у Толстого и мысли о недостатках в современной постановке преподавания словесности в школе. В своих воспоминаниях об отце С. Л. Толстой пишет: «О преподавании русской литературы Лев Николаевич говорил: „Обыкновенно сообщают очень немногое о былинах и летописях и о допетровских русских писателях — о переписке Ивана Грозного с Курбским, о жизнеописании протопopa Аввакума, о Котошихине, Посошкове и др. Между тем это серьезная содержательная литература...».¹² Интересно, что здесь уже «Житие» Аввакума упоминается Толстым среди других выдающихся явлений древней русской литературы. Это дань внимания к Аввакуму — писателю, это признание за его сочинениями литературной ценности.

В конце 70-х годов Аввакум как будто бы начинает занимать Толстого еще и с новой стороны. Толстой в это время переживает самый острый период религиозных исканий. В связи с этим усиливается его интерес к религиозным течениям, которые противопоставляли себя официальной православной церкви, и в том числе к старообрядчеству. В начале мая 1878 г. он пишет статью, которую посвящает спорам старообрядцев с православными, издавна происходившим в Московском Кремле на пасхальной неделе. Статья, так и не законченная Толстым, носила название «Прения о вере в Кремле».¹³ Незадолго перед этим в письме к Н. Н. Страхову Толстой пишет: «Еще просьба: Путешествие инока Парфения и попа раскольника Авакума и раскольничьего что есть, но не обработанного, а сырого матерьяла. Если что есть, или вы узнаете, пришлите мне, пожалуйста».¹⁴ Аввакум теперь интересует Толстого, очевидно, как идеолог, как вождь особой религиозной секты. В нем Толстой хочет найти некую опору, поддержку в своих религиозных исканиях, в своем неприятии казенной

¹¹ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891 Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, стр. 34.

¹² С. Л. Толстой. Очерки былого. Мой отец в семидесятых годах. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1. ГИХЛ, 1955, стр. 171.

¹³ См.: Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 145—150.

¹⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 62 М., 1953, стр. 400.